

Воронец Евгения Владимировна

ЦВЕТОВАЯ ОППОЗИЦИЯ "ЧЕРНОЕ - БЕЛОЕ" В РУССКОЙ И ПЕРЕВОДНОЙ ПОЭЗИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Особое место в творчестве каждого поэта занимает цветовая лексика. С помощью цветовых контрастов поэт создает неповторимые образы и пейзажи. Статья посвящена анализу оппозиции "черное - белое" в русской и переводной поэзии Ф. И. Тютчева. В творчестве поэта противопоставление двух прилагательных переходит из цветовой семантики в световую. Тютчев в традиционной для большинства поэтов манере противопоставляет темное светлому, превознося свет, страшась тьмы. В статье выявляется присущий поэту специфический характер выражения в поэтических текстах данной оппозиции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-2/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 2. С. 62-67. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

интерпретации, герменевтическому кругу. Понимание трактуется как метод (искусство) непосредственного постижения значения знаков, внутреннего мира человека, культуры, передаваемых одним сознанием другому. Интерпретация – метод истолкования множества скрытых смыслов, содержащихся в тексте, явных и неявных значений. Для этого нередко используется сопереживание, чувствование для проникновения во внутренний мир другого человека. Герменевтический круг – метод «движения по кругу», когда целое понимается через его части, а часть понимается из целого. Событие (фрагмент текста) соотносится с конкретно-исторической эпохой, содержание которой детализируется через частное событие.

Таким образом, лингвистическая герменевтика – новая, формирующаяся научная дисциплина, которая обладает предметной самобытностью в исследовании смысла текстового общения конкретной речевой деятельности. Исследованию содержательных контуров этого нового оформляющегося научного дискурса и было посвящено содержание данной статьи.

Список литературы

1. Бузук Л. Г. Герменевтико-лингвистическая модель текстового общения // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2015. № 4. С. 88-94.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Головин Б. Н. Основы культуры речи. М.: Высшая школа, 1989. 320 с.
4. Камчатнов А. М. Теоретические основы лингвистической герменевтики и опыт ее приложения к изучению языка славяно-русских переводов Библии: автореф. дисс. ... д. филол. н. М.: МПГУ, 1996. 23 с.
5. Hecke P. van (Pierre). From Linguistic to Hermeneutics: A Functional and Cognitive Approach to Job 12-14. The Netherlands: BRILL/ Studia Semetica Neerlandica, 2010. 444 p.
6. Richard M. Rorty. The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method. Chicago: The University Chicago Press, 1992. 416 p.

LINGUISTIC HERMENEUTICS: IN SEARCH OF METHODOLOGICAL GROUNDS

Buzuk Liliya Gennad'evna, Ph. D. in Philosophy
Russian State Social University
lbu-1@yandex.ru

The article deals with the general ideas of an emerging scientific discipline – linguistic hermeneutics appeared under the strong influence of philosophy of language, linguistics and hermeneutics. The common and specific features of this influence are studied and it is noted that the analyzed scientific discourse has a theoretical independence. On the basis of the study of methodological model of text communication the connections determining the efficiency of forming and conveying the text meaning are analyzed. The author considers the cognitive possibilities of methods of argumentation of linguistic hermeneutics based on the research of the interrelation between meaning and reasoning. By means of correlation of argumentativeness with convincingness – the main characteristics of argumentation, the specificity of four variants of meaning representation in speech activity is researched.

Key words and phrases: linguistic hermeneutics; philosophy of language; linguistics; hermeneutics; language; speech activity; model of text communication; argumentation; methods of linguistic hermeneutics.

УДК 81.373.422

Особое место в творчестве каждого поэта занимает цветовая лексика. С помощью цветовых контрастов поэт создает неповторимые образы и пейзажи. Статья посвящена анализу оппозиции «черное – белое» в русской и переводной поэзии Ф. И. Тютчева. В творчестве поэта противопоставление двух прилагательных переходит из цветовой семантики в световую. Тютчев в традиционной для большинства поэтов манере противопоставляет темное светлomu, превознося свет, страшась тьмы. В статье выявляется присущий поэту специфический характер выражения в поэтических текстах данной оппозиции.

Ключевые слова и фразы: цветовая оппозиция; цветовая лексика; Ф. И. Тютчев; антонимы; световые номинации; словообразовательные дериваты; цветовая картина мира.

Воронец Евгения Владимировна

Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
eugeniezaitseva@yandex.ru

ЦВЕТОВАЯ ОППОЗИЦИЯ «ЧЕРНОЕ – БЕЛОЕ» В РУССКОЙ И ПЕРЕВОДНОЙ ПОЭЗИИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Противопоставление в художественном тексте носит многофункциональный характер. Оно выступает как «сложная художественно полноцветная система разнообразных изобразительно-выразительных средств, отражающих картину мира писателя» [14, с. 11]. В художественной речи элементы различных уровней языка проявляют тенденцию к семантизации и часто вступают в отношения противопоставления. Более наглядно эта тенденция прослеживается в поэтических текстах.

В своей работе «Анализ поэтического текста» Ю. М. Лотман отмечает: «Элементы поэтической структуры образуют пары оппозиций, присущие именно данной структуре и не являющиеся свойствами ее материала (для литературы – языка), структурная природа которого учитывается на определенных уровнях, а на более абстрактных вообще в расчет не берется» [10, с. 76]. В данной статье мы проанализируем цветовую оппозицию «черное – белое» в русской и переводной поэзии Ф. И. Тютчева.

Слова со значением цвета образуют в языке семантическое поле, «один из пучков слов, которые обеспечивают системность лексики» [8, с. 119]. Элементы семантического поля, их семантика и соотношение непостоянны, что объясняется изменчивостью выделяемых в языке реалий внеязыковой действительности. Семантическое развитие цветковых слов приводит к одновременному существованию в языке их прямых, переносных и символических значений, что активно используется в различных жанрах словесного художественного творчества, в том числе в поэзии. Отдельное место в творчестве любого поэта или писателя занимает цветковая лексика. Она является одновременно показателем и выразителем мироощущения автора и формирует его индивидуальную картину мира. Наиболее выразительна цветковая лексика в поэтических текстах.

Индивидуальные коннотации цветообозначений у различных писателей зачастую создаются на основе объективных свойств элементов лексической системы, в частности на уже реализованных или потенциальных возможностях слов со значением цвета, их синонимических и антонимических отношениях.

Универсальной для всех времён и культур является оппозиция «черное – белое». Данная антитеза предопределена антонимическими свойствами двух цветковых слов в их переносных и символических значениях. Традиционно черный цвет несет на себе отрицательную оценочность, белый – положительную. Черный как знак смерти фигурировал в церковной службе; черная материя использовалась в Англии при оглашении смертного приговора; о многом говорят выражения «черная смерть», «черная месса», «черный юмор». У русского народа горе традиционно ассоциируется с черным цветом. Белый цвет в различных культурах традиционно воспринимается как символ добра, надежды, чистоты и близких к ним понятий. В грузинской культуре белый цвет – символ любви и милосердия. Данная колористическая оппозиция наблюдается и в произведениях Тютчева в традиционной для большинства культур трактовке: черное – отрицательное, белое – положительное.

В целом из-за низкой частотности употребления в стихотворениях Тютчева цветковых прилагательных *белый* и *черный* и их использования преимущественно в прямом цветовом значении можно сказать, что данная колористическая оппозиция переходит в творчестве поэта из цветовой семантики в световую, сохраняя при этом традиционную коннотацию. По данным «Конкорданса полного собрания стихотворений Ф. И. Тютчева», частота употребления прилагательных *белый* – *черный* равна 10 и 7 соответственно [1]. В то время как употребительность прилагательных со световым значением *светлый* – *темный* намного выше.

Поэзия Тютчева насыщена одновременно цветом и светом. Сам язык предоставил использовать такую возможность посредством образования отыменного качественного прилагательного *светлый* и его семантических антиподов *тьма*, *темный*. Обе эти лексемы в поэзии Тютчева высокочастотны: *светлый* (44) – *темный* (23), и довольно широк круг световых дериватов: *светиться* (3), *светлеть* (4), *светлея* (2), *светло* (5), *светлость* (1), *светозарно-голубой* (1), *светозарный* (3), *светоносный* (1), *светоч* (1); *темнеть* (1), *темно-брезжущий* (1), *темно-зеленый* (1), *темно-озаренный* (1), *темнота* (5), *тьма* (14), в котором явное предпочтение отдается свету, пронизывающему тютчевскую поэзию [7, с. 115].

В связи с этим П. Н. Толстогузов называл поэзию Тютчева «выдающейся лирикой светотени». Исследуя особенности стиля поэта, ученый отмечал, что большое количество определений служит для передачи именно светотени, а не цвета [16, с. 262]. Концепция светотени в романтической эстетике главным образом служит доказательством чистого искусства. Так, Гёррес в «Афоризмах об искусстве» утверждает: «Если колорит поражает нас основательностью воспроизведения... то светотень волнует безмерностью, беспредельностью, силой искусства...» [20, с. 93]. Шеллинг называет светотень «всецело идеальной формой живописи»: «Ею искусство охватывает все сияние, исходящее от телесного, и представляет его в отвлечении от материи как сияние само по себе и для себя» [19, с. 236].

В творчестве Тютчева можно обнаружить такие стихотворения, в которых лирический сюжет непосредственно построен на сопоставлении света и тени. Это стихотворения «Полдень», «Утро в горах», «Вечер». Стремление поэта выявить сложные аспекты цвета на грани слияния с тьмой приводит к созданию оскуюморного образа – лазурный сумрак, который можно наблюдать в стихотворениях «Ты волна моя морская...», «Под дыханьем непогоды...», «Рим, ночью», «Альпы». Анализируя данное словосочетание, П. Н. Толстогузов пишет: «Лазурь как символический знак идеального и мрак как символический знак непроницаемой для сознания тайны образуют единое значение в характерном для Тютчева контексте: то, что внешне противопоставлено, может являться в своей глубине “кровным союзом” (“Близнецы”）」 [16, с. 259].

В колористической системе Тютчева, как неоднократно отмечалось исследователями языка его поэзии, наблюдается склонность к приглушенной цветовой гамме. У Тютчева доминируют желто-золотой и серо-серовый цвета. К лексике, несущей представление о желто-золотых красках, примыкают прилагательные, обозначающие яркий свет, сияние: *лучистая* река, *светозарный* день, *лучезарный* вечер и подобные. Как отмечает М. Н. Везерова, в антонимическую оппозицию с указанными выше словами в тютчевской системе вступают прилагательные, обозначающие серо-серовые тона (*свинцовые*, *сизые* тучи, *пасмурные* доли, *тусклая* земля, *полдень мглистый*...) [5, с. 14]. Л. В. Пумпянский писал: «Колоризм сопровождает поэзию Тютчева от самых первых его стихотворений до поздних... правда уже не с такой яркостью красок и с заметным ослаблением напряженности всего явления» [12, с. 45].

Наиболее ярко оппозиция «светлое – темное» выражена в антитезе «день – ночь». В лирике Тютчева целое стихотворение посвящено противопоставлению этих двух временных отрезков. Как отмечается исследователями языка поэзии Тютчева, антиномичность, двучастность строения текста заявлена уже в названии стихотворения. У дня множество различных определений – метафор. Ночь же у Тютчева лишена эпитетов, она противоположна дню, антипоэтична [9, с. 215].

В стихотворении «День и ночь» четко прослеживается положительная оценочность светлого времени суток и отрицательная – темного.

День – сей блистательный покров –
 День, земнородных оживление,
 Души болящей исцеленье,
 Друг человеков и богов [17, с. 145]!

Хотя день с самого начала понимается как всего лишь «покров», но это всего лишь, в свою очередь, покрыто сугубо положительными и «блистательными» определениями дня [6, с. 135]. Совершенно противоположно восприятие ночи.

Но меркнет день – настала ночь;
 ...И бездна нам обнажена
 С своими страхами и мглами,
 И нет преград меж ей и нами –
 Вот отчего нам ночь страшна [17, с. 146]!

Как отмечали исследователи языка поэзии Тютчева, мир дневной для поэта – это не вся сущая действительность, а лишь завеса или покров, который прикрывает ночь, полную видений и поэтических явлений. Поэт неоднократно возвращался к описанию ночи, хотя она иногда наполняет его душу страхом [4, с. 103].

Однако в стихотворении прослеживается не только противопоставление светлого времени суток темному. Как отмечают исследователи языка поэзии Тютчева, «день и ночь» – это не только название отдельного произведения, это и магистральная тема, и сквозной образ, и один из самых устойчивых семантических комплексов всей лирики Тютчева [6, с. 130]. Литературоведы и лингвисты, занимающиеся исследованием творчества Тютчева, неоднократно указывали на то, что лексемы «день» и «ночь» характеризуются в его поэзии особой отмеченностью (Н. Я. Берковский (1985), А. Н. Абдульманов (1981), Е. Г. Северина (1981), Е. В. Севрюгина (2002) и др.). Семантическая оппозиция указанных лексем, реализующаяся в двух основных смыслах, чрезвычайно важна. С ней связаны этические противопоставления «возвышенное» – «низменное», «гармония» – «хаос», «бренное» – «вечное» [2, с. 64].

Очевидное расположение автора к светлому времени суток и его негативное отношение ко всему темному и мрачному, выраженные в данном произведении, проходят сквозь всю его лирику, что ниже будет показано на конкретных примерах.

В этом отношении можно сопоставить Тютчева и с другими поэтами. Среди произведений Е. А. Боратынского встречается стихотворение, в котором оценка дня и ночи схожа с тютчевской:

Толпе тревожный день приветен, но страшна
 Ей ночь безмолвная... [3, с. 58].

Приветливость дня и страх ночи, выраженные в стихотворении Боратынского, демонстрируют положительное восприятие поэтом всего светлого и отрицательное в отношении темного.

Однако ночь у Тютчева не только страшна. Ночь у Тютчева одновременно и «бездна с своими страхами и мглами», и «сладкий час успокоенья», в который можно наблюдать «звездный сонм» и «сладкий свет месяца», слышать «чудный еженощный гул». Кроме того, в лирике поэта находим такие примеры:

Я очи знал, – о, эти очи!
 Как я любил их – знает бог!
 От их волшебной, страстной ночи
 Я душу оторвать не мог (Я очи знал, – о, эти очи!...) [17, с. 174];
 Тихо, мягко над Украйной
 Обаятельно тайной
 Ночь июльская лежит... (Святые горы) [Там же, с. 280].

В. С. Соловьев в своей статье «Поэзия Ф. И. Тютчева» писал: «Жизнь и красота в природе – это борьба и торжество света над тьмою, но этим необходимо предполагается, что тьма есть действительная сила. И для красоты вовсе не нужно, чтобы темная сила была уничтожена в торжество мировой гармонии: достаточно, чтобы светлое начало овладело ею, подчинило ее себе, до известной степени воплотилось в ней, ограничивая, но не упраздняя ее свободу и противоборство» [13, с. 114].

В стихотворениях Тютчева положительная или отрицательная коннотация световых номинаций выражается их лексическим окружением. Прилагательные и наречия, обозначающие наличие света (*светлый, светло, яркий, ярко*), в большинстве рассмотренных примеров находятся в окружении лексем, передающих положительные оттенки значений. Подобная тенденция сохраняется и при описании природных явлений, и при характеристике человека и его эмоций. «Свет как антагонист темноты пронизывает все органы чувств,

отсюда *светлый* приобретает в языке значения, характеризующие только положительные эмоции. Радостное, ничем не омраченное состояние человека отождествляется в антропоморфной метафоре *светлый* [7, с. 117]:

Есть в *светлости* осенних вечеров
Умильная, таинственная *прелесть!* (Осенний вечер) [Там же, с. 110];
Лазурный *свет* блеснул в твоём углу,
Вдруг *чудный* звон затрепетал в струне... (Арфа скальда) [Там же, с. 121];
Душа моя, Элизиум теней,
Теней безмолвных, *светлых* и *прекрасных* (Душа моя, Элизиум теней...) [Там же, с. 119];
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь всё *светлое, живое...* (Святая ночь на небосклон взошла...) [Там же, с. 162].

В приведенных примерах положительный смысл лексем *прелесть, прекрасных, чудный, живое* наглядно демонстрирует расположение поэта ко всему светлому, ясному, яркому.

Совершенно противоположное отношение автора к темным, мрачным тонам, отсутствию света можно проследить в словесном окружении соответствующих лексем на конкретных примерах:

Черней и чаще бор глубокой –
Какие *грустные* места! [Там же, с. 110];
Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как *впотьмах*,
Для них и солнца, зная, не дышат,
И *жизни нет* в морских волнах (Не то, что мните вы, природа...) [Там же, с. 136];
И жизнь твоя пройдет *незрима...*
Как исчезает облак дыма
На небе *тусклом* и туманном (Русской женщине) [Там же, с. 153];
...Слезам и умиленью
Нет доступа, всё *пусто* и *темно* (Есть и в моем страдальческом застое) [Там же, с. 217].

Интересным с символической точки зрения представляется эпитет *темно-лазурный* («Над волной темно-лазурной... («Под дыханьем непогоды...»)). «Эпитет несет такую цветовую гамму, которая и радует, и печалит, и успокаивает, и тревожит, и обнадеживает, и сеет взыскательную настороженность» [11, с. 85].

Метафорические словообразовательные дериваты от антонимов существительного *свет – тьма, темно-та* в полной мере сохраняют свою антонимичность. У Тютчева можно обнаружить целый антропоморфный ряд с метафорами *темный, тьма*, употребляющимися в составе фразеологических сочетаний *темное дело, темный мир, темная сила, царство тьмы, тьма могильная* [7, с. 118]:

Столетия шли, ему прощалось много,
Кривые толки, *темные дела...* (Encylica) [17, с. 215];
Но в искупленье *темных дел*
Ты миру завещал один урок великий... (Наполеон III) [Там же, с. 232].

Проведя анализ ряда примеров световых прилагательных с прямым значением, мы выходим за рамки только световой семантики. Исследователи языка поэзии Тютчева отмечали, что в сфере оппозиций лексем света – отсутствия света Тютчев, опираясь на общепозитические традиции, осложняет и углубляет их, обогащая в своей поэтической системе как внутреннюю парадигматику слов (расширение полисемии), так и внешнюю [5, с. 15]. Так, у существительного *свет*, наряду с традиционным значением, можно выделить еще ряд содержательно-эстетических функций: «символ истины и знаний», «эмоциональное состояние, душевный подъем». Этим значениям в лирике Тютчева противопоставлены значения лексем *тьма, мрак, сумрак*, имеющие дополнительные значения невежества, душевной подавленности лирического героя, неопределенности. Проиллюстрируем сказанное конкретными примерами:

«Нет! вечен *свет* наук; его не обнимает
Бунтующая *мгла*; его нетленен плод
И не умрет!.. (Уrania) [17, с. 52];
Сияй, сияй, прощальный *свет*
Любви последней... (Последняя любовь) [Там же, с. 186];
И человек отчаянно тоскует...
Он к *свету* рвется из ночной *тени* (Наш век) [Там же, с. 179].

Как мы видим из примеров и как уже отмечалось исследователями языка тютчевской поэзии, противопоставление темного и светлого посредством антропоморфной метафоры – одна из особенностей поэтической личности Тютчева.

Советский литературовед А. В. Чичерин так писал о стиле лирики Тютчева: «Через целый шквал трагических отрицаний, сомнений, в досаде неприемлемых уступок добывается финал, не выбравшийся из смятения противоречий и все же очень светлый по своему порыву, по наполняющей его жажде всеобъемлющего знания» [18, с. 292].

При анализе переводной поэзии Тютчева обнаруживаем аналогичные примеры использования слов, обозначающих наличие/отсутствие света, в окружении лексем с положительной/отрицательной коннотацией:

Лишь сверкнет в застольной чаше
Благодатное вино... (Поминки (Из Шиллера)) [17, с. 172];
 ...Светит мне **отрадный** луч...;
 И лазурней стало небо,
 И просторнее сердца;
 ...И светились, отражаясь,
 В **милых** спутницы очах (Из Гейне) [Там же, с. 68];
 ...всходило солнце,
Победоносно, смело и светло... (Из «Путевых картин» Гейне) [Там же, с. 103];
 Сии **живые**, пламенные кони...
 Днесь, с **головой поникшей**, мрачны, тихи (Из «Федры» Расина) [Там же, с. 99];
 И сидели в длинном строе –
Грустно-бледная семья (Поминки (Из Шиллера)) [Там же, с. 169].

В переводных стихотворениях поэта находим лишь одно несоответствие общепринятой норме. Так, восприятие белого цвета в странах Востока отлично от традиционного. В восточной культуре белый цвет – символ смерти, цвет траура [15, с. 75]. Пример реализации такого белого цвета находим у Тютчева в его переводной поэзии. В тютчевском переводе отрывка романтической драмы в стихах французского писателя Виктора Гюго «Эрнани» находим строки:

Когда из алтаря они исходят оба –
 Тот в пурпуре, а сей в одежде *белой* гроба [17, с. 108].

Поскольку произведение «Из “Эрнани”» В. Гюго является переводным, и при его написании Тютчев опирался на оригинальный текст автора, сложно говорить о его личном восприятии белого цвета в значении «символ смерти, траура». В оригинальном тексте драмы употреблено сочетание *son blanc suaire*. В переводе с французского *blanc* – белый, *suaire* – плащаница. При переводе Тютчев передал написанное Гюго практически дословно.

Итак, цветовая оппозиция «черное – белое» в творчестве Тютчева представлена в световом выражении, борьбе света и тьмы. Как видно из проанализированных примеров, *светлое* в стихотворениях поэта в традиционной для большинства литературных произведений манере противопоставляется *темному*, но не преобладает над ним. В свою очередь, *темное* в отношении человека и природы может дополнять положительные качества *светлого*.

Список литературы

1. Атаманова Н. В., Голованевский А. Л. Конкорданс полного собрания стихотворений Ф. И. Тютчева. А-Я / под общей ред. А. В. Антохова. Брянск: Курсив, 2013. 396 с.
2. Белякова С. М. Темпоральная лексика в поэтических текстах Ф. И. Тютчева // Поэтическое наследие Ф. И. Тютчева: литературоведение, лингвистика, методика: материалы Юбилейной международной научно-практической конференции. Брянск, 2003. С. 63-67.
3. Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. М.: Языки славянских культур, 2012. Т. 3. Ч. 1. «Сумерки». Стихотворения 1835-1844 годов. Juvenilia. Коллективное. Dubia / ред. тома А. С. Бодрова, Н. Н. Мазур; подгот. текстов и текстологич. коммент. А. С. Бодровой при участии А. Р. Зарецкого, Н. Н. Мазур и А. М. Пескова. 608 с.
4. Вахрос И. С. Ненавидел ли Тютчев день? // 50 стихотворений Ф. Тютчева с комментариями: хрестоматия для словесника / сост. В. Ф. Погорельцев. Брянск: Издательство БГПУ, 1995. С. 102-103.
5. Везерова М. Н. Лексика цвета, света в идиолектах Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. Н. Майкова // Формирование семантики и структуры художественного текста. Куйбышев, 1984. С. 13-24.
6. Гиршман М., Кормачев В. «День и ночь» Тютчева // 50 стихотворений Ф. Тютчева с комментариями: хрестоматия для словесника / сост. В. Ф. Погорельцев. Брянск: Издательство БГПУ, 1995. С. 130-142.
7. Голованевский А. Л. Тютчев – русская языковая поэтическая личность: монография. Брянск: Курсив, 2013. 292 с.
8. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык, 1980. 253 с.
9. Зотов А. М. Образ мира в стихотворении Тютчева «День и ночь» // Поэтическое наследие Ф. И. Тютчева: литературоведение, лингвистика, методика: материалы Юбилейной международной научно-практической конференции. Брянск, 2003. С. 215-218.
10. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: структура стиха // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 18-252.
11. Неклюдов В. Д. Эпитеты в поэтической речи Ф. И. Тютчева // Поэтическое наследие Ф. И. Тютчева: литературоведение, лингвистика, методика: материалы Юбилейной международной научно-практической конференции. Брянск, 2003. С. 82-87.
12. Пумпянский Л. В. Поэзия Ф. И. Тютчева // Уралия. Тютчевский альманах. 1803-1928. Л.: Прибой, 1928. С. 9-57.
13. Соловьев В. С. Поэзия Ф. И. Тютчева // Соловьев В. С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 105-121.
14. Станиславская С. А. Контраст как принцип организации поэтического текста (на материале ранней поэзии А. Ахматовой и Н. Гумилева): автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 21 с.
15. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
16. Толстогузов П. Н. Лирика Ф. И. Тютчева: поэтика жанра. М.: Изд-во «Прометей» МПГУ, 2003. 296 с.
17. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений / сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. Л.: Сов. писатель, 1987. 448 с.
18. Чичерин А. В. Стиль лирики Тютчева // Контекст – 1974. М., 1975. С. 275-294.
19. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.
20. Эстетика немецких романтиков / сост., пер., вступ. статья и коммент. А. В. Михайлова; редкол.: М. Ф. Овсянников (пред.) и др. М.: Искусство, 1986. 736 с.

COLOR OPPOSITION “BLACK-WHITE” IN THE RUSSIAN AND TRANSLATED POETRY OF F. I. TYUTCHEV**Voronets Evgueniya Vladimirovna***Bryanks State University named after academician I. G. Peretrovsky
eugeniezaitseva@yandex.ru*

Color vocabulary has a special place in the work of every poet. The poet creates unique images and landscapes with the help of color contrasts. The article is devoted to the analysis of the opposition “black-white” in the Russian and translated poetry of F. I. Tyutchev. In the poet’s works the contradistinction of two adjectives passes from the color semantics to the light one. In the traditional for most poets way Tyutchev opposes dark and bright, exalting the light and fearing the darkness. The article reveals the poet’s specific character of expressing the given opposition in his poetic texts.

Key words and phrases: color opposition; color vocabulary; F. I. Tyutchev; antonyms; light nominations; word-forming derivatives; color picture of the world.

УДК 801.37

Статья раскрывает особенности реализации экспрессивного синтаксиса в татарском и французском языках. Волеизъявление – величина переменная, которая зависит от коммуникативно-прагматических ситуаций, намерения говорящего повлиять на настроение, мнение и поведение собеседника. Несмотря на обилие жанров, средства выражения волеизъявления универсальны и поддаются исчислению. Такие эмоционально-экспрессивные предложения как в татарском, так и во французском языках чаще выражают безапелляционность суждения, устанавливают неравноправные ролевые отношения в диалоге, а также «желание уберечь друг друга от неприятностей». Эмпатия – самое ценное в доверительном общении, то, к чему стремятся оба собеседника. Эмоционально-экспрессивные предложения со значением волеизъявления служат для реализации категории эмоциональной экспрессии на синтаксическом уровне.

Ключевые слова и фразы: экспрессивный синтаксис; эмоционально-экспрессивные предложения; сопоставительный синтаксис; волеизъявление; прагматическая направленность; решительность; уверенность; эмоционально-экспрессивный фактор; человеческий фактор; языковая картина мира; татарский язык; французский язык.

Гизатуллина Альбина Камилевна, к. филол. н.*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Albina27.3@mail.ru***ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В ТАТАРСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ: ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ И ЭМОЦИИ**

Современный этап развития лингвистики характеризуется повышенным интересом к сопоставительному изучению языков. Проблема сопоставительного изучения языков является предметом лингвистических исследований во многих трудах отечественных и зарубежных ученых [1; 5; 6; 10]. Это объясняется рядом причин: 1) контактностью, возникающей как следствие социального, мировоззренческого, культурного сближения народов, независимо от стран, в которых они проживают; государственной политики; 2) стремлением улучшить преподавание и изучение иностранных языков; 3) возрастающей ролью национальных языков в нашей стране, в частности, татарского; 4) необходимостью учета особенностей родного языка в методике преподавания неродного языка.

Решающим аспектом развития общества в современном мире является научное и культурное взаимодействие, сотрудничество. При этом особое значение приобретает языковая и общекультурная квалификация тех, кто призван осуществлять это взаимодействие и работать в поликультурном и многоязычном эмоциональном пространстве. Надеемся, что данная статья, посвященная изучению эмоционально-экспрессивного синтаксиса в татарском и французском языках, внесет определенный вклад в развитие мирового научного и межкультурного взаимопонимания и сотрудничества.

Проблема эмоционально-экспрессивного фактора (ЭЭФ) – одна из кардинальных лингвистических проблем, поскольку она связана с эмоциональным в своей основе отношением говорящего к тому, что сообщается. Живая речь всегда эмоционально окрашена, в ней, наряду с отображением объективной реальности, всегда передается переживание человеком того, что имело место, происходит или случается в действительности. Формирование вербального акта происходит через призму эмоциональной сферы психики человека, и эта сфера накладывает дополнительную информацию, которая выражается в эмоционально-экспрессивных предложениях. Особенно актуален ЭЭФ в настоящее время, когда лингвистика получила четко выраженную семантическую направленность исследований, важное место среди которых занимают проблемы смысла номинативных и предикативных единиц, что в значительной степени предопределило обращение к «семантике человека». В работе использован комплекс лингвистических методов и приемов анализа фактического